

Марина Григорьевна Довгаль

Бахчисарай

Рассказ

Марина Григорьевна Довгаль

Бахчисарай. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25199675

ISBN 9785448374166

Аннотация

Рассказ «Бахчисарай» – художественное произведение, основанное на реальных событиях. Оно охватывает огромный период из жизни крымских татар, начиная с довоенного времени и заканчивая современными днями.

Бахчисарай

Рассказ

Марина Григорьевна
Довгаль

© Марина Григорьевна Довгаль, 2018

ISBN 978-5-4483-7416-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тук-Тук. Тук-Тук. Выбивают колеса, нет, нет, повизгивая пронзительно и зябко. Вагон покачивает и слышится скрежет. А может быть это и не вагон вовсе, а те же колеса скребутся о рельсы. Кто разберет то многоголосье, эту музыку, сопровождающую немые кадры, мелькающего за окном фильма: залитые солнцем степные просторы, мельтешащие одной и той же, будто заевшей картинкой, правда, вспыхивая вдруг деревенькой и редко, наплывающим городом с толпящимся у вокзала суетно людом. Хорошо, однако, путешествовать. Сколько встретишь и увидишь. Сколько узнаешь.

М-м-м. Понимаю кочующих цыган. За красотой и новыми впечатлениями пускались они по белому свету. Не иначе....

А я, зачем я еду? Что хочу увидеть? Кого встретить? За-

даю сама себе вопрос и не знаю, что ответить. Но если быть точной, еду я в Крым все-таки увидеть город, где моя дорогая бабушка Маторина Евдокия Никифоровна, которой давно нет в живых, провела лето, запомнившееся ей на всю жизнь. Увидеть то, что она видела и, что так полюбила. Хотя, увижу ли? Столько лет прошло. Понимаю это, но что поделать тянет меня, который год, в те края. Потому, наверное, что бабуля этого сильно хотела, но не случилось, возможно, она боялась разочароваться и осталась верна той детской памяти. Вот поэтому-то я в пути и пусть это не произошло раньше, а возраст мой на много старше бабулиного в тот ее приезд, пусть.

Попала Евдокия в Бахчисарай еще до войны. Отец ее болел астмой, и врачи рекомендовали крымский воздух, как лечение.

– Дуняша, почему ты, как вырвешься на улицу, так упадешь до вечера? И что за вид у тебя? Как можно? Разве девочке должно так ходить? – Отчитывает сердито мама, отряхивающую пыль с платья, девятилетнюю дочь. За забором стайка местной детворы подсматривает за происходящим. Мама видит их и еще больше сердится.

– Не бегай с татарами. Уведут в горы и бросят, а того хуже продадут цыганам. Как мы найдем тебя потом? – нарочито громко произносит она.

Дети за забором прыскают и бегут, смеясь по улице вниз.

– Мама, ну что вы такое говорите. – Оскорбленно возмущается готовая расплакаться Дуня, представляя, как рассудительный Мемет, синеглазый Мустафа и Мумзика с Васфие продают ее цыганам.

– Милая, ты неправа. – Приходит на выручку отец, сидящий тут же под раскидистым каштаном в кресле. – Это же дети. И вообще с чего ты это взяла, кто тебе здесь плохое слово сказал или посмотрел плохо. Надо же такое сказать.

– Ой, ну пусть твоя дочь и дальше пропадает невесть, где и невесть, с кем. Так, что ли? Давай закроем на все глаза и позволим ей заниматься, чем вздумается.

– Дорогая, мы на отдыхе. К чему этот скандал? – уже раздражается папа. Мама демонстративно скрывается в доме, хлопнув за собой в сердцах дверь.

– Папочка, ты лучший. – Чувствуя поддержку, Дуня бросается к отцу. – Знаешь, они какие.... Они, они здесь все знают, они мне показывали ханский дворец, и водили в Кыркору. Там так красиво.

– Я понимаю, детка, но думаю, не следует уходить далеко и надолго. А маму можно понять, она беспокоится за тебя.

– Папа, у Мустафы родители учителя. Детей в школе учат. Он такой умный: взрослые книги читает. А у Мемета старший брат на скрипке играет. Иногда в кофейне. За это ему деньги дают. Мемет еще про тебя говорит, разве сидя в кресле выздоровеешь. Тебе надо в монастырь подняться и всю

хворь, как рукой снимет. И еще он говорит, кофе надо пить: в нем вся сила. – С жаром убеждает Дуняша отца, приводя, как ей казалось, веские доводы.

– Что ж придется сходить в кофейню и подняться в монастырь, раз Мемет так говорит. – Успокаивает разволновавшуюся дочь папа.

Вечером, принарядившись, вся семья отправляется в кофейню. Узкая кривая улочка тянется вдоль сплошной стены, из тесно примыкающих друг к другу домов с нависшими балкончиками. По ходу попадаются лавки и мастерские, красуясь товаром, выставленным у входа на показ. Легкое дуновение доносит тонкий аромат кофе, будто шепоток – не пропустите, не пройдите мимо, я здесь: поблизости и жду вас с нетерпением. Эдакая своего рода реклама без чьего бы то ни было участия, хотя, смотря, как на это взглянуть....

А вот и кофейня. К высокому порогу ведут две ступеньки, скрадывая неровность уходящей под уклон улицы. Резная узором дверь открывается, мелодично прозвенев, подвешенными к ней металлическими пластинками. Небольшие столики по контуру зала, округлостью своей и блеском столешниц вкупе со стульями наподобие кресел и незатейливыми шторками создают некое ощущение неординарности и даже загадошности.

Кофе готовят здесь настоящий, согласно традиции. Традиция вещь неоспоримая. Шаг влево, шаг вправо в ней неприемлемы. И потому на глазах у посетителей чернявый

парнишка дробит старинной, украшенной орнаментом и самоцветами, громоздкой кофемолкой уже обжаренные зерна, а те текут из нее красивой сочной струйкой. Играющая рыжим бочком чеканенная турка рдеет в ожидании порции волшебного зелья. А раскаленный в мангале песок томится в предвкушении завершить все предшествовавшие до него манипуляций. Все, что происходит, происходит не торопясь со знанием дела, с чувством достоинства.

Дымящийся в чашках кофе подается на блюдечке, без сахара. Приветствуется получить с чашечкой кофе стакан чистой воды, но это уже на любителя. Неотъемлемым дополнением в создании особой атмосферы является музыкант, не признанный советским общепитом элемент за стяжательство и буржуазные наклонности, пользующийся еще глубинкой. Надрывая душу восточным напевом, медленно обходит он зал, останавливаясь у каждого занятого столика. Черные кудри его спадают густой волной, а длинные гибкие пальцы извлекают чарующие звуки из старенькой скрипки.

Кофе был знатный. Мама потребовала сахар себе и Дуняше и пахнущую медом пахлаву, что сей, же момент получила. Тихий говор, аромат и божественный вкус кофе, не яркий свет, расписанные в пастельные тона стены и кричащие с гвоздиков морские пейзажи пробуждали некогда по молодости острые, но забытые бытом чувства, волнуя и слегка пьяня. А когда Мемет станцевал для мамы под изумительную музыку танец, и вовсе вызвало бурю эмоций. Ма-

ма заставила мальчика взять бумажную деньгу. Глаза ее горели. Возбуждение окрасило румянцем щеки. Она заметно похорошела и лучилась счастьем. Отец, довольный, снисходительно наблюдал за ней. . . .

Через день вся семья собралась подняться к монастырю. Даже мама решилась пройтись и посмотреть на обещанное Меметом чудо. Транспорт туда не ходил, и дорога предстояла не столь трудная, сколько дальняя. Километра три, меж странных гор, подымающихся по обеим сторонам дороги, с нарастающей постепенно крутизной. Не успели они пройти и треть пути, как папа, задохнувшись, сказал:

– Видно мне ребята не дойти, пойдете-ка назад.

– А спешить не надо. Сядем, отдохнем, я вам легенду расскажу, как Бахчисарай появился, а вы отдохнете, как раз. – Возразил Мемет, приглашая присесть на нагретые солнцем камни.

Неторопливый певучий рассказ со свойственным сказке акцентом, видимо перенятый у рассказчика, от которого довелось его услышать, зазвучал, завораживая слушателей. Думаю, не найдется такого человека, который бы не любил послушать легенды. Что-то есть в них такое, чем берут они за душу и запоминаются, а запомнившись, обязательно при случае всплывут и будут рассказаны. Как-то так они пришли в наше время и также уйдут в будущее, увеличившись лишь числом, но уже о нашей с вами жизни, как сейчас, легенда нашла новых слушателей и заставила впитывать каждое сло-

во, а мальчишку рассказывать.

«Однажды сын хана Менгли-Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостными стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими и борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трёх диких козлов. Захотелось ханскому сыну побыть одному.

Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чащу, спрыгнул с коня и присел на пне у реки Чурук-Су. Верхушки деревьев, позолоченные заходящим Солнцем, отражались в воде. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину. Вдруг на противоположном берегу послышался шорох. Из прибрежного кустарника быстро выползла змея. Её преследовала другая.

Завязалась смертельная схватка. Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову. А из чащи по густой траве к месту боя спешила третья змея. Она кинулась на победительницу – началось новое кровавое побоище. Кольца змеиных тел замелькали в траве, освещаемые Солнцем. Невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скрылись за стеной кустарника. Оттуда доносилось злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побеждённой змеи. Он думал

о своём отце, о своём роде. Они сейчас подобны этой полумёртвой змее. Вот, такие же искусанные, убежали в крепость, сидят в ней, дрожат за свою жизнь. Где-то идёт битва, кто кого в ней одолеет: золотоордынцы турок или турки золотоордынцев? А ему и отцу его, Менгли-Гирею, уже не подняться, как этой змее. Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея шевелится, силится поднять голову. С трудом ей это удалось. Медленно поползла она к реке и погрузилась в неё.

Глазам своим не поверил хан: мгновение спустя змея стала оживать, извиваться всё быстрее и быстрее. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не осталось. Затем змея снова окунулась в воду, быстро переплыла реку и, недалеко от изумлённого человека, скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея. Это счастливый знак! Им суждено подняться! Они ещё оживут, как эта змея. Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу о том, что видел у реки. Они стали ждать известий с поля битвы.

И пришла долгожданная весть: Оттоманская Порта одолела ордынского хана Ахмета, который когда-то истребил всех воинов Гирея, а его самого загнал в крепость на крутой скале. На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, старый хан велел построить дворец. Около дворца поселились его приближённые. Так возник Бахчисарай.

Двух перевившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было трёх: двух в борьбе, а тре-

тью – полумёртвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей».

Тишина неловко повисла, и какое-то время, удивленно взирала на замерших слушателей.

– О, да ты Мемет еще и легенды говорить мастер. – Первая нарушила затянувшееся молчание мама. – Прекрасно! Не правда, ли? – обращаясь к папе, добавила она.

Папа, уперев взгляд на поднимающийся к подножию причудливых гор узор из зеленого плюша и черных скал, молчал. Где-то громко перекликались невидимые птицы. Ветерок ласково трепал одежду и путался в волосах. Небо без единого облачка огромным шатром нависло над всей той красотой, а солнце весело искрило в необъятно синем просторе.

– Да, хороша легенда. – Наконец откликнулся и он.

Все рассмеялись. Окружившие горы, утопая в буйстве красок, довели на оказавшихся в их власти людей некой силой, необъяснимой, но ощутимой в той или иной степени каждым из присутствующих. Силой, под воздействием которой возникало осознание величия окружающего мира, трепетное преклонение пред его мощью и своей по сравнению с ним ничтожности. Рождало в душе массу положительных эмоций, а те в свою очередь – умиротворение.

– Ну что ж продолжим наш путь. – Сказал папа и все нехотя поднялись.

На пути они еще не один раз присаживались отдохнуть,

а Мемет рассказывал и рассказывал, и казалось, нет конца его рассказам. И о городе и окрестностях мальчик знал многое. Богата история его края легендами. Каждая гора в отдельности, горная речка, да что говорить, скалы имели свою историю и все это, сохранялось в памяти народа и передавалось из поколения в поколение.

– Монастырь возник здесь давно. Строившие его монахи вырубili в скалах пещеры, а снаружи обустроили стенами и постройками. – Поведал Мемет, когда показался монастырь.

Издали он казался игрушечным, но с приближением, белые стены, приткнувшиеся к горе в огромной нише, задышали суровым величием. Зрелище было грандиозным.

– А наверху, что? – спросил папа, показывая рукой на небольшую часовенку.

– А, это. Это звонница, там колокол висел, говорят. Видите, какая лестница длинная к ней ведет. Ее тоже рубили в скале.

– Какая красота. Ах, какая красота. – Тихо повторяла и повторяла мама, озирая представшую картину.

– А почему здесь построили, а не где-то на ровном месте? – допытывался папа.

– Так здесь зону особую нашли с энергией святой, старики говорят, и к тому же горы это защита от врагов. Крым все хотели завоевать. И монголы нападали и. . . – Мемет неожиданно замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.